

Как у преемника, за Цзян Фэем тянулась целая вереница тайн. Линьхуа вечно ворчал, суя свой нос повсюду: мол, и тут не так, и там не этак. Но имелся один изъян — настолько нелепый и дикий, что даже старый конь поначалу о нём не обмолвился.

Главный изъян, не поддающийся никакой логике: как у Цзян Фэя, избранного самим Созиданием преемника, не оказалось Духовной жемчужины Созидания?

Когда оболочка Жемчужины проявилась на лбу Арвинда, Линьхуа задал вопрос, попавший в самую суть: если у Цзян Фэя нет жемчужины, откуда в нём эта способность подталкивать других к эволюции? Тогда в голове у юноши царил сплошной хаос, и он сам ничего не понимал. Лишь подсознательно чувствовал подвох: сила эволюции струилась из самой его сути, из инстинкта, а инстинктам не требуются внешние костыли.

И вот сегодня, в сию самую секунду, поглотив дух Куйню и пробудив очередную генетическую последовательность, он наконец распутал этот гордиев узел, завязанный давним смещением времён.

[Поле частиц (частично развитое): с опорой на микромир вершит суждение и перестраивает структуру материи]

[Разблокирована генетическая цепь — Возвращение материи в небытие: сжимает цель и мгновенно обращает её в ничто]

Всё началось с серебра, вспыхнувшего в его глазах. Стоило активироваться шестой генетической последовательности, как родословная Цзян Фэя наконец пробудилась полностью.

Треск...

[Божественная красота созидания: разделяет тьму и свет]

Кожа юноши засияла мягким серебристым светом. Короткие чёрные волосы, подхваченные этим сиянием, прямо на глазах удлинялись, меняли цвет и в итоге переплелись с длинными прядями Фу Сяо.

С самого начала глобальной аномальной трансформации вокруг Цзян Фэя один за другим эволюционировали люди. Теперь же пришёл черед его собственной — самой глубокой и истинной эволюции.

Он был Цзян Фэем, преемником, которого так долго ждал Фу Сяо. Но одновременно с этим он являлся той самой Духовной жемчужиной Созидания, вынесенной Фу Сяо из Иллюзорного Царства Бессмертной Судьбы.

Нет, даже не совсем так. Он не был абстрактной силой Созидания. Он был серебряной искрой,

зародившейся в потоках этой энергии, — духом, медленно формировавшимся на протяжении неизмеримых тысячелетий.

Едва у искры зародилось сознание, появился Фу Сяо. Искре понравился этот смертный, и она последовала за ним прочь из иллюзорного царства. Она сопровождала его сквозь все взлёты и бесконечные падения, прошла с ним до самого конца и видела, как он избрал для себя этот тупиковый путь — путь вечного, беспросветного одиночества.

Фу Сяо отправил жемчужину в мир смертных дожидаться следующего преемника. Будь она прежней бессознательной реликвией, это было бы лишь долгим ожиданием подходящего часа... Но внутри возник разум. Серебряная искра, впитав в себя Чистую Цзи Созидания, прошла через тысячелетие скитаний в людском мире, пока наконец не обрела человеческую плоть.

Он пришёл, чтобы подарить Фу Сяо последнее — спасительное — чудо Созидания.

— Ты знал? — поразился Цзян Фэй.

Он допускал, что Преподобный о чём-то догадывался, но даже в самых смелых мыслях не предполагал, что этот погрузившийся во тьму осквернённый бог ведал всё от начала и до конца.

"До твоего появления я и впрямь не догадывался, — впервые за долгое время предельно серьёзно отозвался Фу Сяо. — Но ты дал слишком много намёков. Несложно было сообразить."

— Фэй-Фэй! Ты чего это вдруг покрасился?! — закружился рядом скелетный конь, совершенно не чувствующий момента.

Не умеющий читать обстановку старый конь заплясал вокруг, но Фу Сяо лишь небрежно взмахнул рукавом, и бедного Линьхуа мгновенно унесло прочь — прямоком за столик к Сигуану.

Цзян Фэй даже взглядом не зацепил улетевшего напарника. Он насупился, искренне не понимая:

— Намекал? Я?! Да я сам об этом понятия не имел!

Цзян Фэй посчитал, что этот обвинительный навет достоин возглавить список самых вопиющих несправедливостей мира.

"Разве не очевидно? — Фу Сяо слегка прикусил его губу; скрывать детали теперь не имело смысла. — Ты настойчиво намекал мне с самой первой нашей встречи."

— Да в первую нашу встречу ты меня едва не!.. — Цзян Фэй показательно изобразил руками удушение на собственной шее, но Фу Сяо мягко перехватил его запястья, пресекая опасные движения.

Тогда Фу Сяо, конечно, не пытался убить его насмерть, но хватка на горле для хрупкого человеческого тела была, мягко говоря, болезненной. Цзян Фэй хотел высказать, как чуть не отдал концы, однако древний бог нагло воспользовался близостью и заглушил невысказанные слова горячим поцелуем.

И тут Цзян Фэй вспомнил.

При первой их встрече он почувствовал не страх, а неопишуемый восторг. Он болтал тогда всякую чушь, и чем больше говорил, тем страннее становился взгляд Фу Сяо. Позже Линьхуа обмолвился: Цзян Фэй произносил ровно те слова, о которых Фу Сяо когда-то договаривался с Преподобным.

Что и говорить, намёк выработался железный: фразы из тайного разговора тет-а-тет вдруг произносит посторонний. В такой ситуации любой поймёт, что перед ним либо чёрт, либо чудо.

Впрочем, испытывал ли Цзян Фэй хоть каплю неловкости за то, что присвоил чужие реплики? Ничуть.

— Вообще-то мы втроём это обсуждали! — фыркнул он. — Тебе, значит, можно эти слова говорить, а мне нельзя?

Спорить с Цзян Фэем было бесполезно.

Серебристые волосы юноши переплелись с тёмными прядями бога, и из-за струящегося света казалось, будто они срастаются воедино. Фу Сяо осторожно распутал их и заботливо закинул серебряную волну Цзян Фэю за спину.

Духовный Исток и Созидание по своей природе были непримиримыми антагонистами, но Фу Сяо не мог противостоять влечению. Цзян Фэй манил его вопреки всей логике мироздания.

"Ты справился блестяще", — тихо прошептал Фу Сяо.

Он был полностью осквернён. И если бы Цзян Фэй не произнёс те заветные слова, сам Фу Сяо никогда бы к ним не вернулся.

Судьба редкая гостя на прямой дороге, однако Цзян Фэй сделал всё возможное, чтобы вернуть события в прежнее русло. И вот теперь правильный путь и полнейшее безумие сплелись в неразрывный узел.

Выскользнув из объятий Фу Сяо, юноша подхватил какой-то бинт и ловко перетянул пышную серебряную гриву. Высокий хвост задорно покачивался на затылке. Чистая, почти божественная аура серебряных глаз и волос не могла заглушить ту естественную, лихую натуру разбойника, что пробивалась сквозь каждый его жест.

— Теперь-то мне многое стало ясно, — Цзян Фэй медленно провёл пальцем по груди древнего бога. В этом движении угадывалось и хозяйское властолюбие, и откровенная провокация.

Они заговорили одновременно.

— Пусть я и явился ради тебя, — произнёс Цзян Фэй, — но не слишком ли ты ко мне добр, о мой Преподобный?

А Фу Сяо ровно в то же мгновение произнёс в его разуме:

"Под влиянием Духовного Истока я должен был устранить тебя как самую опасную переменную."

Цзян Фэй вскинул бровь. Слова Фу Сяо звучали прямо противоположно его действиям, так что юноша не поверил ни единому звуку.

— Устранить меня? — он ткнул пальцем богу в грудь, наступая без тени страха. — И что же ты меня не прикончил?

"Истинное Созидание — это не уничтожимый первобожественный дух, — невозмутимо парировал Фу Сяо. — Убей тебя, и эта сила развеется, чтобы со временем собраться вновь. Я же искал решение, которое избавит меня от проблемы раз и навсегда."

— О-о-о... — протянул Цзян Фэй с ехидной ухмылкой. — Вот, значит, как ты лапшу на уши вешал... себе? Ах нет, простите, Духовному Истоку?

Он разоблачал его без малейшего опасения. Созидание представляло угрозу для Истока лишь из-за существования тайного пути и печатей. Убей Фу Сяо преемника — и этот путь оборвался бы в корне, избавив от лишних хлопот! Оставлять Цзян Фэя в живых, наоборот, означало вечно находиться под угрозой заточения.

Но Фу Сяо не выбрал очевидное. Среди тысячи исходов он проложил иной, совершенно безумный путь — сделать всё, чтобы Цзян Фэй в итоге сам его убил.

— Признавайся, — сказал Цзян Фэй, не давая богу вставить слова. — Проверим, угадал я или нет. Ты ведь просто играл на асимметрии информации с Духовным Истоком внутри себя, верно?

Фу Сяо кивнул, подтверждая его догадку.

Он-то знал, что Цзян Фэй и есть само воплощение Созидания. Но запертый в нём Исток об этом даже не догадывался.

Если бы Цзян Фэй сразил Фу Сяо, то вырвавшийся на свободу Исток, столетне томившийся в плотской темнице, вспылал бы лютой ненавистью к преемнику. Выбравшись наружу, он первым делом попытался бы пожрать Цзян Фэя, пусть даже сам был бы крайне слаб.

Вот только Исток не ведал главного: Цзян Фэй — не просто носитель частицы силы, а естественный, идеальный сосуд для Созидания. И пока эта сила пребывает в нём, юноша никогда не потеряет контроль над собой.

Ну а что случится с миром после явления Истока... Если давний Фу Сяо заботился о судьбе человечества, то канула ли та забота в лету для нынешнего осквернённого Фу Сяо? Ему было абсолютно плевать.

Это действительно был гениальный трюк, позволивший обвести Исток вокруг пальца! И единственный шанс, который Фу Сяо, даже теряя контроль над собственными генами, смог выгадать для Цзян Фэя.

"Я лишь хотел, чтобы ты жил", — произнёс Фу Сяо.

Резонанс, пробудивший разум, и два Гвоздя Алого Ослабления Духов сыграли ключевую роль. В глубоко осквернённый разум бога намертво въелся один-единственный нерушимый приказ: Цзян Фэй должен жить. Фу Сяо до ужаса боялся, что, окончательно потеряв рассудок, в один проклятый день пожрёт того, кого ждал целую тысячу лет.

Он снова наклонился, чтобы прикоснуться к родным губам.

— Раз уж мы заговорили по душам, — Цзян Фэй выставил палец, преграждая путь к поцелую и напуская на себя строгость, — выкладывай и самое последнее.

Линьхуа тем временем умудрился незаметно подобраться поближе. Его призрачное пламя вытянулось в форме настороженных лошадиных ушей — конь буквально упивался услышанным.

Вот это да! Оказывается, этот проныра Цзян Фэй давно прибрал Преподобного к рукам! Старый конь лишь мысленно цокал языком: подумать только, даже павший, осквернённый бог способен на такие чувства! Неудивительно, что при первой же встрече между ними возник генетический резонанс. Они просто сохли друг по другу!

"В чём ещё мне признаться?" — отозвался Фу Сяо.

«Да-да, давай выкладывай! — вопил про себя Линьхуа. — Что ещё тут есть такого, о чём мне не положено знать?!»

Этот неугомонный конь едва не сбил Цзян Фэя с мысли. Выждав пару секунд, чтобы собраться, юноша спросил вновь:

— Преподобный, чего ты ждал?

Фу Сяо цеплялся за жизнь веками, повторяя одно и то же: «Нужно ещё немного подождать». Раньше Цзян Фэй думал, что тот ждал преемника.

Но ведь Фу Сяо давно осквернился. У павшего бога не осталось ни малейшего желания спасти этот мир, а план спасения Цзян Фэя вовсе не берёт судьбу человечества.

Так ради чего?

— Ради чего ты держался?

Золотой драконий хвост плавно качнулся в воздухе и мягко обвился вокруг запястья Цзян Фэя.

"Во мне есть гены Сигуана", — ответил Фу Сяо.

Ещё до своего падения Сигуан пытался взглянуть в будущее Фу Сяо. Но там была лишь звенящая пустота — словно этот человек прошёл свой тяжкий путь по земле, не оставив после себя ни единого следа.

Однако Фу Сяо и сам заглядывал в грядущее.

— И что же ты там увидел? — тихо спросил Цзян Фэй.

В кошачьих зрачках Фу Сяо отражался только Цзян Фэй.

В уловленном им мгновении будущего они сидели на раскидистой ветви исполинского дерева Фусан. Юноша держал в зубах стебелёк травинки и ярко, безоблачно улыбался. Они молчали. Фу Сяо наклонился и нежно коснулся губами его ладони. Юноша не стал отстраняться — напротив, он порывисто подался вперёд, обнял Фу Сяо за шею и звонко поцеловал в щёку.

Будущее непрестанно меняется под влиянием настоящего.

Фу Сяо ждал бесконечно долго. Ждал до тех пор, пока не усомнился: вдруг взмах крыла бабочки навсегда развеял тот образ, и он больше никогда не появится? Единственным, что

поддерживало в нём жизнь сквозь вековые тьмы, оставалась одна-единственная надежда — хотя бы раз взглянуть на него наяву.

А затем просочившийся запечатанный Исток пробудил скрытое в Цзян Фэе Созидание, и они наконец встретились.

Один взгляд зародил одержимость, одно мгновение пробудило страсть.

"Я ждал своё Созидание", — прозвучал его голос, мягкий и чистый, будто не было никакого падения.

Слова стали не нужны. Цзян Фэй больше не мог сдерживаться: он порывисто подался вперёд и крепко обнял его.

— Раз не хочешь говорить, я сам всё узнаю, — прошептал он и накрыл его губы поцелуем — точно так, как в том пророческом сновидении.

Этот аномальный монстр перед ним был единственной причиной, по которой Цзян Фэй вообще явился в этот смертный мир.

[Уровень резонанса: 100%]

[Пробуждён навык: Судьба: Переплетение (Единая судьба, сплетённые узы кармы, общая жизнь и смерть)]

<http://bllate.org/book/19820/1992659>